

**Федеральное государственное образовательное
бюджетное учреждение высшего образования
«ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Россия: от кризиса к
устойчивому развитию.
Ресурсы. Ограничения. Риски.**

**Сборник тезисов научных работ участников
VIII Международного научного
студенческого конгресса
9 марта – 17 апреля 2017 года**

Том № 13

Юридический факультет

Москва 2017

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ НА СТРОИТЕЛЬНОМ РЫНКЕ: ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛОВ

Головин Ю.А.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Карпухин Д.В.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В рамках заявленной темы очередного МНСК, хотелось бы рассмотреть одну из проблем, которая возникла на рынке страхования. Принимая во внимание то, что данный вид деятельности крайне важен и ее значимость обостряется именно в кризисное время, что соответствует современным реалиям.

В частности, рассмотрим ситуацию, которая сложилась на рынке страхования гражданской ответственности застройщиков. Как следует из Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, застройщик обязан страховать ответственность, в том случае, если имеет место быть привлечение по договорам долевого участия в строительстве многоквартирных жилых домов средств дольщиков¹.

По мнению директора НО «ПОВС застройщиков» в Новосибирской области Ларисы Гильмутдиновой, от 70 до 90 процентов застройщиков осуществляют возведение жилья за счёт привлеченных средств дольщиков².

При этом, у застройщика существует несколько способов обеспечения ответственности перед дольщиками:

1. поручительство банка;
2. страхование гражданской ответственности застройщика;

Страхование гражданской ответственности застройщика может быть не только в страховой компании, имеющей соответствующую лицензию на данный вид страхования, но и в обществе взаимного страхования³.

На первый взгляд, указанные способы должны быть понятны и экономически выгодны, как для страхователя, так и страховщика. Есть возможность «выбора» и речи о нарушении антимонопольного законодательства не может быть.

Однако, заместитель начальника управления контроля финансовых рынков ФАС России Лилия Беляева имеет несколько другое мнение на этот счет⁴. Так, лицензии на страхование гражданской ответственности застройщиков перед участниками долевого строительства имеют 15 страховых компаний, из них, фактическую деятельность осуществляют только 11. Большинство сделок совершают 4-6 крупных игроков.

По мнению ФАС, данное количество компаний не может обеспечить эффективное страхование, поэтому происходит увеличение стоимости страховых тарифов.

Какие существуют проблемы для страхования гражданской ответственности застройщиков перед участниками долевого строительства?

¹ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.

² <http://infopro54.ru/views/152/> (дата обращения 08.12.2016)

³ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.

⁴ <http://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=48106> (дата обращения 09.12.2016)

Наиболее «привлекательные» условия предъявляются к обществу взаимного страхования. Согласно статье 23.2 Федерального закона от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании», единственным условием для входа на рынок является количество членов общества взаимного страхования застройщиков, которое должно составлять не менее тридцати юридических лиц⁵.

В настоящий момент на рынке существует только одно общество взаимного страхования: Некоммерческая Организация «Потребительское общество взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков».

В соответствии с п. 2 ст. 1, п.п. 3,4 ст. 23.1. Федерального закона от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании» страхование имущественных интересов осуществляется только на основании договора страхования вступивших членов.

При этом, условия принятия участников в члены общества взаимного страхования определяется ее уставом.

В соответствии со статьей 12 устава Потребительского общества взаимного страхования гражданской ответственности застройщиков, размер вступительного взноса составляет 1 млн. руб. Эта сумма «неподъемна» для застройщиков из субъектов Российской Федерации, что приводит к единственному варианту – оформлению страхования гражданской ответственности застройщиков перед участниками долевого строительства через страховые компании.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что одним из наиболее эффективных способом выхода России из кризисного состояния, на наш взгляд, является защита от недобросовестной конкуренции и ее пресечение на этапе зарождения.

По заявлению заместителя начальника управления контроля финансовых рынков ФАС России Лилии Беляевой, в 2017 году ФАС планирует «принять определенные шаги с тем, чтобы снизить требования к страховщикам в этой части для осуществления этого вида страхования»⁶.

На наш взгляд, законодательство, регламентирующее страховые отношения, содержит ряд существенных пробелов, которые могут быть устранены, посредством нормативно-правовой фиксации следующих положений:

1. снижение требований к уставному капиталу страховых компаний;
2. уменьшение опыта осуществления страховой деятельности;
3. понижение составляющей к собственному капиталу страховой компании, либо введения методики расчета – привязка к сумме страхового обеспечения.
4. внесение изменений в Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании», в части установлении требований к максимальному размеру членского взноса.

Подводя итог, отметим, что рассматриваемые проблемы напрямую не нарушает законодательство о конкуренции, однако в случае, если она не будет решена на данном этапе, то в дальнейшем потребуются больше ресурсов и средств для ее устранения.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.

⁵ Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании» // СЗ РФ, 03.12.2007, № 49, ст. 6047.

⁶ <https://ria.ru/economy/20161206/1482981891.html> (дата обращения 09.12.2016)

3. Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании» // СЗ РФ, 03.12.2007, № 49, ст. 6047.
4. <http://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=48106> (дата обращения 09.12.2016).
5. <https://ria.ru/economy/20161206/1482981891.html> (дата обращения 09.12.2016).
6. <http://infopro54.ru/views/152/> (дата обращения 08.12.2016).

ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ БАНКОВСКИХ РИСКОВ

Зайцева А.В.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сарнакова А.В.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Кредитные организации, осуществляя защиту своих имущественных интересов, избирая наиболее адекватные способы управления рисками, все чаще прибегают к страхованию, которое обретает свой подлинный смысл и уточняет экономическое содержание, воплощаясь в конкретных правоотношениях.

Задача, поставленная тематикой исследования, состоит в определении механизма функционирования договорного регулирования, распространенности среди участников этих правоотношений, основных тенденций и перспективы развития. А детальное рассмотрение субинститута договора страхования банковских рисков позволяет обнаружить действенные приемы возникновения, изменения и прекращения складывающихся правоотношений.

Договорное регулирование может быть определено как система источников права одного уровня, оказывающих принимаемое добровольно воздействие на поведение лиц с помощью средств и приемов юридической техники. Принципиальную составляющую являет соответствие началам свободы и собственным интересам.

Логически оправданно выявить следующие важные признаки, которые позволят обозначить авторское раскрытие понятия «договорное регулирование»:

- выступает дополнительной к законодательно-императивному инструментарию регламентацией общественной жизни;
- обладает существенной гибкостью к планируемым изменениям в системе упорядочивания отношений, возможностью дополнений и корректировки;
- адаптируется к индивидуальным условиям, выдвигаемым субъектами-носителями гражданских прав и обязанностей;
- направлено на осуществление конкретной цели, соответствующей желаниям, потребностям объединившихся сторон и выбранному виду страхования.

Объединение названных характеристик дает повод говорить о договорном регулировании как о юридических средствах, изложенных в четко сформированной последовательности.

В целях раскрытия темы необходимо совершить небольшое отступление к известным из общей теории страхования правовым характеристикам договора. По своему программному содержанию иллюстрируемый тип относится к имущественному страхованию. Его предметом выступают соответственно интересы различной ориентации: организация предпринимательской деятельности, утрата, гибель или повреждение объективизированных вещей, предупреждение гражданской ответственности.

Минимальные требования к договору страхования банковских рисков установлены Гражданским кодексом Российской Федерации (Часть 2) и Законом Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела». Так, к существенным условиям следует отнести перечисление имущества, для которого будет осуществляться страховая защита, указание негативного возможного события, срок действия договора. Вместе с тем, указанные нормативные требования носят самый общий характер, без детализации применительно к уровню и степени распространенности риска.

Основываясь на трех важнейших аспектах, а именно: общее определение договора-сделки, цель страхования и формальные рамки источника права, можно вывести следующее понимание договора страхования банковского риска – это юридическая форма добровольного изъявления, принятия юридических обязанностей и наделения субъективными правами, устанавливающая материальную обеспеченность страхователя или

выгодоприобретателя за счет денежных средств, уплаченных страховщику при наступлении ранее оговоренного события. При этом надо также учитывать, что современная литература вместо словосочетания «банковский риск» оперирует словосочетанием «банковские интересы», под которыми часто понимается письменное соглашение банка и страховщика, достигнутое установлением взаимных прав и обязанностей в целях удовлетворения в пользу банка имущественных потерь.

Реальное значение выведенных тезисов заключено в формировании границ правового поля, образовании действующего правового порядка, уточнении специфики договора, защищающие интересы кредитных организаций. При этом необходимо сделать акцент на отрицании публичности, то есть, в первую очередь, на нивелировании, исключении фактора властности. В отношениях банка и страховой компании отсутствуют иерархия и какая-либо очевидная субординация. Следовательно, динамический подъем и спад подчиняется субъективному волеизъявлению, без подчиненности внешним обстоятельствам. Важнейшей чертой, присущей договору страхования банковского риска, является установление двусторонних отношений. Императив, установленный законодательством, не позволяет страховать за счет банка риски иных организаций и предпринимателей. Наконец, не следует подвергать сомнению казуальность планируемой сделки.

Детального рассмотрения заслуживает и форма договора страхования банковских рисков. Применительно к поднятому вопросу необходимо рассмотреть буквальную и мотивировочную концепции. Первая охватывает техническую сторону, то есть фиксирующие, передающие информацию средства и способы. Вторая сосредотачивается на активных, деятельных началах и выражается в объявлении, подачи сообщения о намерении вступить в страховые отношения. Статья 940 Гражданского кодекса Российской Федерации настаивает на соблюдении письменной формы путем составления одного документа или вручения страхового полиса. Ярким примером служит ВВВ полис (документальное воплощение услуги одновременного страхования нескольких рисков), включающий компенсацию ущерба от мошеннических и противоправных действий персонала и неустановленных лиц, подделки документации и ценных бумаг, расходов на оказание юридической помощи.

В практике страхования получили распространение и иные документы: свидетельства, сертификаты, квитанции. Их различие со страховым полисом можно провести на основе анализа и качества изложений условий, при которых стороны достигли согласия. Сертификаты и квитанции менее конкретизированы, часто имеют отсылки к правилам страхования. Научная литература развивает тезис о неоднозначности процедуры заключения договора и, в этом контексте, положения страхового полиса. Выявленные подходы можно условно разделить на две контрастные группы. Так, например, В.И. Серебровский полагал, что вручение страхового полиса не заменяет договор, а лишь подтверждает его заключение и встречное обещание страховщика уплатить известную компенсацию при наступлении негативного события, оговоренного ранее сторонами. А М.И. Брагинский, напротив, уравнивает принятие страхового полиса с офертой договора и ее акцептом.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что законодателем принят за концептуальную основу наиболее общий подход, не производящий детализацию применительно к банковской сфере. Вместе с тем, нарастающий год от года спрос на данный вид страхования, который дает возможность получить реальное возмещение убытков, однозначно свидетельствует о нецелесообразности игнорировать его положительный эффект и значение для деятельности банков. Поэтому в целях совершенствования законодательства необходимо конкретизировать в нормативных правовых актах понятие, общие условия и требования к форме страхового договора применительно к банковской деятельности, а также закрепить разнообразные конструкции, имеющие частое применение. Подобная мера существенно упростит взаимоотношения потенциальных сторон, поможет избежать значительной части споров в будущем, а обоюдные интересы субъектов будут служить главным ориентиром для развития страхования банковских рисков.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В РОССИИ В ПЕРИОД ИЗМЕНЧИВОСТИ ФИНАНСОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Исмаилов И.Ш.,

Научный руководитель: д.ю.н., профессор Ручкина Г.Ф.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

За последние несколько десятилетий, примерно с 1970-х годов, кризисные явления в мировой экономике, а особенно в финансовом секторе, занявшем доминирующее положение среди остальных направлений экономической деятельности, приобрели системный характер, а их периодичность заметно возросла по сравнению с предшествующими декадами⁷. Одними из причин такого изменения называют тенденции к свободному биржевому определению валютных курсов, заметный рост кредитования, а также универсализация банковской деятельности и стирание границ между различными видами деятельности финансовых институтов. Безусловно, при снижающейся роли прямых методов воздействия на поведение финансовых институтов, большее значение стала играть деятельность регуляторов по установлению и внедрению эффективной системы финансового контроля и надзора. В мировой практике выработан уже достаточно большой опыт организации надзорной инфраструктуры, сформированы самые различные модели реализации финансового контроля и надзора с точки зрения его институциональной структуры, каждая из которых имеет как положительные, так и негативные примеры внедрения. Всемирный банк в своем отчете 2013 года с громким названием «Переосмысление роли государства в финансах» выделяет 5 различных видов систем пруденциального регулирования и надзора, разделяя эти понятия между собой, и вводя критерии оценки устройства финансовой инфраструктуры по показателям возрастания интеграции регуляционных и надзорных функций: от моделей секторального надзора до интегрированного надзора и от полного отсутствия регулирования до полного объединения регуляционных и надзорных функций в одном органе⁸. На основании этих критериев выделяют четыре основных вида моделей регулирования и надзора: институциональная модель, консолидированная модель, модель «Твин Пикс» и гибридная модель⁹.

В Российской Федерации опыт адаптации данных моделей достаточно велик, так как Россия только за последние семь лет «перепробовала» все наиболее популярные модели финансового контроля и надзора. До 2011 года в России существовала так называемая институциональная (или отраслевая) модель финансового контроля и надзора, заключающаяся в четком распределении надзорных функций между органами в соответствии с регулируемой деятельностью, т.е. специализация конкретных надзорных органов по конкретным сферам финансового рынка. В Российской Федерации надзор за банковской деятельностью в тот период, как и сейчас, осуществлял Банк России, контроль в сфере рынка ценных бумаг осуществлялся Федеральной службой по финансовым рынкам (далее - ФСФР), а надзор за страховой деятельностью осуществлялся Федеральной службой страхового надзора (далее - Росстрахнадзор). Практика разграничения функций между различными надзорными институтами является наиболее нейтральной, при которой снижаются риски полного провала регулирования, свойственные для интегрированной

⁷ Банковский надзор: каким ему быть? // Деньги и кредит. - 2004. - №4. - С. 7- 19

⁸ Андреев Л.А. Модели регулирования и надзора финансовой системы Исламской Республики Иран // Международный научный журнал «Символ науки». - 2016. - №10-1. - с. 44

⁹ Константинов А. В. Теория и опыт зарубежных стран в сфере финансового регулирования и их применение в российской системе // Фундаментальные исследования. - 2014. - №9-2. - с. 394

модели, однако возможны некоторые конфликты юрисдикций между институтами, межотраслевой характер деятельности поднадзорных элементов, который может повлечь нехватку системности в надзорных полномочиях или даже в определении единой государственной финансовой политики¹⁰. Однако исторически именно данная модель зародилась первой в период Великой депрессии в США, который в 1934 году завершился созданием Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC) - первого специализированного отраслевого органа финансового надзора.

Российская Федерация в последующем пошла по пути интегрирования надзора и расширения функции ФСФР за счет присоединения функций Росстрахнадзора, и с марта 2011 года ФСФР получил также полномочия по надзору за страховой деятельностью¹¹. Такую реформу можно однозначно охарактеризовать как переход к модели «Твин Пикс» с разделением полномочий по финансовому регулированию и надзору между ФСФР и Банком России. Модель «двух вершин» подразумевает разделение регулирующих функций между двумя регуляторами, один из которых выполняет функцию безопасности и надежности надзора, а другой специализируется на проведении регулирования предпринимательской деятельности¹². Также возможен иной характер разделения компетенций - по конкретным финансовым рынкам, который и лег в основу российской модели финансового надзора образца 2011 года. Зарубежная практика использования данной модели не так велика, при этом именно данная модель признана многими учеными одной из самых эффективных по причине использования как сильных сторон консолидации, так и создания грамотной системы взаимодействия и противовесов¹³. В настоящее время данная модель реализуется в Австралии, Нидерландах, а также с 2012 года еще и в Великобритании, которая отошла от модели мегарегулятора после кризиса 2008 года, при котором стали очевидны минусы отделения надзорных функций от центрального банка, и разделила Financial Services Authority (FSA) на две структуры: Управление пруденциального регулирования (Prudential Regulation Authority), функционирующее при Банке Англии, и Управление финансовой деятельности (Financial Conduct Authority)¹⁴. Вопрос внедрения данной модели обсуждался во многих странах, в том числе в Соединенных Штатах Америки и Франции, что свидетельствует о расширении популярности этой системы, которая до 2000-х годов реализовывалась лишь в двух странах из ста крупнейших экономик мира¹⁵. В России она просуществовала всего два года, хотя явных предпосылок или негативных тенденций для ее расформирования не было замечено.

В 2013 году в России произошла одна из самых масштабных реформ финансового регулирования и надзора. Внедряя популярным мировым тенденциям, государство пошло по пути консолидации надзорных функций в одних руках и расширило полномочия Банка

¹⁰ G30 Report. The structure of financial supervision: Approaches and challenges in a Global Marketplace.// Group of Thirty, Washington D.C. - 6 October 2008. - p. 14

¹¹ Указ Президента РФ от 04 марта 2011 г. № 270 «О мерах по совершенствованию государственного регулирования в сфере финансового рынка Российской Федерации» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. - 2011. - №10. - ст. 1341

¹² Утенов Г.Г. Расширение функций центрального банка России: шаг вперед или два шага назад // Журнал институциональных исследований. - 2014- №4. - с. 139

¹³ Taylor M., 1995. Twin Peaks: A Regulatory Structure for the New Century. // London, Centre for the Study of Financial Innovation

¹⁴ Financial Services Markets Act 2012 // <http://www.bankofengland.co.uk/about/Documents/legislation/2012act.pdf>

¹⁵ Masciandaro D. and Quintyn M., 2009. Reforming financial supervision and the role of central banks: a review of global trends, causes and effects (1998-2008). Centre for Economic Policy Research, Policy insight No. 30, February 2009.

России до статуса мегарегулятора, параллельно упразднив ФСФР¹⁶. Многие связывают данное решение с возросшей ролью банковского надзора после финансового кризиса, а также с большей возможностью Центрального Банка Российской Федерации бороться с регулятивным арбитражем и системным риском¹⁷. Однако определенные опасения по поводу данной реформы также высказывались многими авторами ввиду неопределенности правового статуса Банка России, сверхконцентрации властных полномочий в руках одного органа, а также большого влияния государственного капитала в российской финансовой системе¹⁸. Достаточно сложно оценивать первичные результаты реформы финансового надзора, так как пока мегарегулятор функционировал только в крайне неблагоприятной финансовой среде, а значит не мог демонстрировать максимальный уровень эффективности. Справедливости ради, необходимо отметить, что со времени своего перерождения в качестве мегарегулятора, Банк России осуществлял достаточно агрессивную и жесткую кампанию по сокращению количества кредитно-финансовых институтов на рынке, достаточно четко реализуя установленный курс на увеличение капитализации кредитных организаций, создание мотивации для объединения мелких «игроков» и формирования банковских холдингов и объединений¹⁹. Мировая практика использования интегрированного регулятора также довольно-таки обширна: развитые страны шли по пути создания мегарегулятора на основе отдельного регулирующего ведомства (Германия, до 2012 года - Великобритания), ряд других стран, ставших примером и для России, создавали свои мегарегуляторы на основе центрального банка государства (Сингапур в 1984 году, Ирландия в 2003 году). Выбор именно модели центрального банка-мегарегулятора в России может быть продиктован огромной концентрацией капитала на данном финансовом рынке, наиболее успешной практикой регулирования и надзора, а также особенностями правового статуса Банка России, функционирующего независимо от других властных структур.

В контексте сложившегося богатого опыта использования всех моделей финансового надзора, сложно назвать наиболее успешную и перспективную, ведь хоть модель «Твин Пикс» и считается многими зарубежными учеными наиболее эффективной, но при этом ее используют только 4% государств, входящих в список лучших экономик мира на данный момент. Модель интегрированного регулятора, ныне активно используемая в Российской Федерации, показала себя как с положительной, так и с негативной стороны, однако интеграционные процессы в финансовом контроле и надзоре можно считать трендом последних нескольких десятилетий. Модель консолидированного надзора в противовес институциональной модели начала активно развиваться из-за сближения и смешения различных видов финансовых услуг, что привело к заметному росту системного риска и возможности применения унифицированного надзора. Безусловно, в случае продолжения курса на сближение различных видов услуг финансового посредничества, логичным видится выбор развивать интеграционные процессы в сфере регулирования и контроля, которые могут проявляться в консолидированном надзоре или модели с двумя активно взаимодействующими регуляторами. Однако опыт США показывает, что институциональная модель тоже может отвечать этим целям в случае грамотной регламентации и активного взаимодействия внутри надзорной инфраструктуры.

¹⁶ Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2013. - №30 - ст. 4084

¹⁷ Хандруев А.А. Интегрированный финансовый регулятор – российская модель в контексте мировой практики // Деньги и кредит. - 2013. - №10. - с.27

¹⁸ Миркин Я. М. Предпосылки и последствия создания мегарегулятора // Журнал Новой Экономической Ассоциации. - 2013. - № 3. - с. 137.

¹⁹ Исмаилов И.Ш. Проблемы развития банковского регулирования в Российской Федерации в условиях экономического кризиса // Юридический мир. 2016. №9. с. 24

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2013. - №30 - ст. 4084
2. Указ Президента РФ от 04 марта 2011 г. № 270 «О мерах по совершенствованию государственного регулирования в сфере финансового рынка Российской Федерации» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. - 2011. - №10. - ст. 1341
3. Андреев Л.А. Модели регулирования и надзора финансовой системы Исламской Республики Иран // Международный научный журнал «Символ науки». - 2016. - №10-1. - с. 44
4. Банковский надзор: каким ему быть? // Деньги и кредит. - 2004. - №4. - С. 7- 19
5. Исмаилов И.Ш. Проблемы развития банковского регулирования в Российской Федерации в условиях экономического кризиса // Юридический мир. 2016. №9. с. 24
6. Константинов А. В. Теория и опыт зарубежных стран в сфере финансового регулирования и их применение в российской системе // Фундаментальные исследования. - 2014. - №9-2. - с. 394
7. Миркин Я. М. Предпосылки и последствия создания мегарегулятора // Журнал Новой Экономической Ассоциации. - 2013. - № 3. - с. 137.
8. Утепов Г.Г. Расширение функций центрального банка России: шаг вперед или два шага назад // Журнал институциональных исследований. - 2014- №4. - с. 139
9. Хандруев А.А. Интегрированный финансовый регулятор – российская модель в контексте мировой практики // Деньги и кредит. - 2013. - №10. - с.27
10. Financial Services Markets Act 2012 // <http://www.bankofengland.co.uk/about/Documents/legislation/2012act.pdf>
11. G30 Report. The structure of financial supervision: Approaches and challenges in a Global Marketplace.// Group of Thirty, Washington D.C. - 6 October 2008. - p. 14
12. Masciandaro D. and Quintyn M., 2009. Reforming financial supervision and the role of central banks: a review of global trends, causes and effects (1998-2008). Centre for Economic Policy Research, Policy insight No. 30, February 2009.
13. Taylor M., 1995. Twin Peaks: A Regulatory Structure for the New Century. // London, Centre for the Study of Financial Innovation

РОЛЬ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конюхова Д.И.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Ильин А.Ю.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

На современном этапе вопросы межбюджетных отношений в Российской Федерации играют большую роль для стабильного и поступательного развития экономики, а также для обеспечения благоприятных условий разного характера, экономического и политического положения, для развития региональной и местной экономики и обеспечения собственных нужд для субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Более того, межбюджетные отношения важны не только для экономической и политической составляющей государства, но, так же и с социальной, в том числе по поддержанию территориальной целостности государства и эффективному взаимодействию субъектов и муниципальных образований как единому целому в лице Российской Федерации.

Цели организации системы межбюджетных отношений в России во многом направлены на достижение выравнивания бюджетной обеспеченности структурных единиц Российской Федерации (субъектов и муниципальных образований), которые существенно отличаются по количеству налогоплательщиков, объемам доходов и расходов и, в общем, по своему экономическому положению. Выравнивание бюджетной системы имеет значение не только на уровне субъектов федерации, но, цели выравнивания бюджетной обеспеченности относятся и к муниципальным образованиям. Так, в соответствии со статьями 60-63 Федерального закона от 6 октября 2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁰ устанавливаются процедуры по обеспечению финансирования муниципальных образований из бюджетов более высокого уровня (субъекта федерации) в целях повышения их стабильного развития и повышения уровня бюджетной обеспеченности тех муниципальных образований, в которых он ниже, чем в других муниципальных образований данного вида в конкретном субъекте. В Федеральном законе от 6 октября 1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²¹ установлены процедуры выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации путем предоставления средств из федерального бюджета.

Распределений дотаций утверждается законом о бюджете на очередной финансовый год. На практике сложилось понятие дотационных регионов, то есть тех регионов, которые получают дотации, при этом таких регионов на данный момент очень много. Это свидетельствует о значительном неравенстве в экономическом развитии разных частей страны, а так же подтверждает необходимость существования системы выравнивания бюджетной обеспеченности.

Помимо дотаций, используемых в качестве универсального средства пополнения бюджета, в который они направляются, используются также иные виды межбюджетных трансфертов, которые отличаются от дотаций своим целевым характером, то есть они служат

²⁰ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон [от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

²¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон [от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

не просто инструментом выравнивания бюджетной обеспеченности, но и средством пополнения бюджета для реализации всех задач и обязательств, стоящих перед конкретным субъектом или муниципальным образованием, а также для решения конкретных задач, связанных с выполнением конкретных бюджетных обязательств, например, для выполнения полномочий переданных Российской Федерацией субъекту. Для финансового обеспечения таких обязательств существует такой вид межбюджетных трансфертов, как субвенции. Таким образом, можно сделать вывод, что данный вид межбюджетных трансфертов отличается своим целевым характером.

Еще одним важным видом межбюджетных трансфертов являются субсидии, которые предоставляются в целях софинансирования расходных обязательств. В составе федерального бюджета могут предусматриваться субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации на выравнивание обеспеченности субъектов Российской Федерации в целях реализации ими их отдельных расходных обязательств. Также субсидии отличаются тем, что могут быть направлены из бюджета более низкого уровня в бюджет более высокого уровня. Цели и условия предоставления и расходования субсидий устанавливаются соглашениями между федеральным органом исполнительной власти и высшим исполнительным органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что межбюджетные трансферты являются значимой частью межбюджетных отношений, которые необходимы для полноценного развития, как экономики Российской Федерации, так и государства в целом, при этом, разделение межбюджетных трансфертов на виды позволяет наиболее эффективно решать сложившие проблемы финансирования и является эффективным инструментом софинансирования расходных обязательств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

ИСТРЕБОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ В РАМКАХ КАМЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПОНИЖЕННОЙ НАЛОГОВОЙ СТАВКИ

Мартусь В.Ю.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Горбачева О.Ю.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Налогоплательщики часто сталкиваются с требованиями налогового органа во время камеральной налоговой проверки представить документы для подтверждения пониженной налоговой ставки, например, ставки 10% по НДС (п. 2 ст. 164 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)) или дифференцированных налоговых ставок по налогу на имущество в отношении магистральных трубопроводов, линий энергопередачи, а также сооружений, являющихся неотъемлемой технологической частью указанных объектов (п. 3 ст. 380 НК РФ).

Однако обладают ли налоговые органы полномочиями по истребованию документов в рамках камеральной налоговой проверки (далее – КНП) для подтверждения пониженной налоговой ставки, а не налоговой льготы? Устанавливает ли налоговое законодательство требование для налогоплательщиков представлять подтверждающие документы для применения пониженной налоговой ставки? Если такого требования нет, то является это пробелом законодательства или волей законодателя, и как это влияет на экономическую деятельность налогоплательщиков? Попробуем далее ответить на эти вопросы.

Перечень документов, которые могут истребовать налоговые органы в рамках КНП, исчерпывающим образом определен в статье 88 НК РФ. Например, пункт 6 указанной статьи наделяет налоговые органы полномочиями по истребованию документов, подтверждающих право налогоплательщиков на налоговые льготы. А пункт 7 добавляет, что налоговый орган не вправе истребовать у налогоплательщика дополнительные сведения и документы, не предусмотренные НК РФ.

Сначала рассмотрим, правомерно или нет налоговые органы при КНП требуют представить подтверждающие документы по пониженной налоговой ставке, предусмотренной пунктом 3 статьи 380 НК РФ.

Налоговые органы считают, что пониженная налоговая ставка, предусмотренная пунктом 3 статьи 380 НК РФ, предоставляет отдельным налогоплательщикам преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками в виде возможности уплачивать налог в меньшем размере. То есть считают ее льготой и поэтому считают правомерным истребование документов для ее подтверждения в рамках КНП.

Данная позиция несостоятельна ввиду следующего.

1. Пониженная налоговая ставка и налоговая льгота являются разными элементами налогообложения: ставка – обязательный элемент, а льгота – факультативный (п.п. 1 и 2 ст. 17 НК РФ; Определение Конституционного суда Российской Федерации от 15.05.2007 № 372-О-П).

2. Дифференцированные пониженные ставки, указанные в пункте 3 статьи 380 НК РФ, установлены не для отдельных категорий налогоплательщиков, а в отношении определенных имущественных объектов, которые могут находиться на балансе у любого налогоплательщика (здесь также применима логика пункта 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 № 33).

3. На различие понятий дифференцированной налоговой ставки и налоговой льготы также неоднократно обращал внимание Минфин России (Письмо Минфина России от 03.09.2015 № 03-05-05-01/50668, Письмо Минфина России от 27.08.2010 № 03-05-04-01/42 и др.).

Таким образом, пониженная налоговая ставка не является налоговой льготой, и привлечение к налоговой ответственности за непредставление документов по пониженной ставке в рамках КНП является незаконным.

Однако должен ли налогоплательщик самостоятельно представить документы для подтверждения пониженной налоговой ставки, и каковы могут быть последствия такого непредставления?

Следует сказать, что в некоторых случаях законодатель прямо предусматривает представление документов для подтверждения пониженной налоговой ставки: ст. 164 НК РФ – для подтверждения экспортной ставки 0% по НДС; п. 3 ст. 284 НК РФ – для подтверждения ставки 0% для доходов в виде дивидендов при определенных условиях и др.

Но для двух пониженных ставок, рассматриваемых в рамках настоящей темы (п. 2 ст. 164 НК РФ и п. 3 ст. 380 НК РФ), законодатель не предусмотрел необходимости представления документов для возможности применения указанных пониженных ставок.

В одном деле суд сделал вывод, что привлечение к налоговой ответственности за непредставление документов в подтверждение применения пониженной ставки 10% по НДС незаконно, но без добровольного представления таких документов налогоплательщик не может применять пониженную ставку (Постановление АС Северо-Западного округа от 10.06.2015 по делу № А56-42376/2014).

На наш взгляд, с данной позицией суда в части невозможности применения пониженной налоговой ставки сложно согласиться, поскольку суд неверно применил в обоснование своей позиции пункт 20 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 № 33, так как в нем не затрагивался вопрос о необходимости представления документов в рамках КНП.

Очевидно, что неправильное применение закона возлагает на налогоплательщиков дополнительные, не предусмотренные налоговым законодательством обязанности, а также влечет незаконное привлечение к налоговой ответственности. При необходимости законодатель может установить обязанность представлять документы для подтверждения пониженной налоговой ставки в указанных случаях, но при отсутствии такой нормы считаем недопустимым при добровольном непредставлении документов отказывать в применении пониженной налоговой ставки, а также привлекать к налоговой ответственности.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИИ

Митенкова Е.Н.

Научный руководитель: д.э.н., доц. Кудрявцева О.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В настоящее время возобновляемые источники энергии (ВИЭ) являются одним из основных факторов, оказывающим влияние не только на выбор Россией энергетической стратегии, но и на разработку долгосрочной экономической политики.

Использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ) для производства энергии в мире составит к 2040 г. почти 3 млрд т н.э. [6], в т. ч. для производства электроэнергии и тепла - 2,7 млрд т н.э., гидроэнергии - 0,5 млрд т н.э.

В 2009 году Правительством РФ было принято Распоряжение № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года», в котором предполагалось увеличение доли ВИЭ в производстве энергии до 4,5% к 2020 г. [2]. Однако в 2014 году Правительством РФ было принято Распоряжение от 15.04.2014г. № 321 «Об утверждении государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики», в котором данный показатель был снижен до 2,5% к 2020 г. [4].

Находясь в высокой зависимости от государственной поддержки, дальнейшее развитие ВИЭ проблематично при ухудшении экономической ситуации в стране, когда экономика не может обеспечить требуемый уровень поддержки. Поэтому несмотря на совершенствование технологий ВИЭ и снижение издержек, использование ВИЭ требует господдержки. Отсюда следует актуальность проблемы государственного регулирования развития ВИЭ как инструмента энергоэффективности в России, обеспечивающего дальнейшее развитие ВИЭ в России.

Действующая в России программа поддержки развития ВИЭ определяет механизмы поддержки через рынок мощности [3]: выделены три типа генерирующих объектов, которые являются объектами поддержки: генерирующие объекты солнечной и ветровой генерации и гидрогенерации (менее 25 МВт), действующие в ценовых зонах оптового рынка, и основные меры поддержки генерации на базе ВИЭ на розничном рынке электроэнергии [5].

Участие в программе господдержки развития ВИЭ в России как на оптовом рынке электроэнергии и мощности, так и на розничном обеспечивается по результатам конкурсных отборов проектов строительства объектов возобновляемой энергетики в соответствии с критерием наименьших капитальных затрат, связанных с технологическим присоединением к ЕЭС России. Первый конкурсный отбор инвестиционных проектов в рамках государственной поддержки использования ВИЭ, осуществляемой через продажу мощности, был проведен в сентябре 2013 г.

Целевые показатели развития ВИЭ в России до 2024 г. (введенные новые установленные мощности генерирующих объектов на основе ВИЭ и выработка электроэнергии на основе ВИЭ) закреплены в Распоряжении Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р (ред. от 28.02.2017) [1].

Анализ динамики установленной мощности вводимых объектов возобновляемой энергетики для конкурсного отбора, показывает, что: наибольшими темпами предполагается рост мощности вводимых ветровых электростанций (ВЭС), мощность которых будет увеличена к 2020 г. в 10 раз, а суммарная мощность составит 3,6 ГВт; мощность вводимых солнечных электростанций (СЭС) будет увеличена к 2020 году в 2,25 раза, а суммарная мощность составит 1,52 ГВт; мощность вводимых малых гидроэлектростанций (МГЭС) будет увеличена к 2020 году в 8,83 раз, а суммарная мощность составит 751 МВт. Анализ структуры предполагаемой суммарной мощности введенных объектов ВИЭ в 2020 г., показывает, что наибольшую долю (61 %) составят ВЭС, доля СЭС составит 26%, а МГЭС – 13 %.

Однако действующая в настоящее время система поддержки развития ВИЭ в России имеет ряд недостатков, что сдерживает дальнейшее развитие использования возобновляемой энергии. Во-первых, несмотря на то, что она учитывает общую архитектуру энергетического рынка России, что делает генерирующие объекты на основе ВИЭ полноправными участниками оптового рынка, она основана на плате за мощность, в то время как системы государственной поддержки ВИЭ в других странах, основаны на фактическом объеме выработки электроэнергии (в МВт·ч). Следовательно, в России введен такой механизм поддержки ВИЭ, который не имеет мирового опыта применения. Во-вторых, ограничен круг тех генерирующих объектов, которые могут рассчитывать на государственную поддержку. Кроме того, отсутствует поручение о разработке методики использования ВИЭ на изолированных территориях. Следует отметить, что доля газифицированных городских поселений составляет 50%, а сельских - менее 35% [7]. Поэтому необходимо, прежде всего, расширить список типов генерирующих объектов, считающихся объектами поддержки. В частности, большие перспективы развития ВИЭ в России связаны с селом, где для сооружения биогазовых станций используются отходы растениеводства и животноводства, представляющие собой достаточно значительный ресурс. Причем положительным результатом для жителей сел являются не только снижения стоимости тепла и электроэнергии, но и создание дополнительных рабочих мест.

Таким образом, перспективы развития ВИЭ в России во многом зависят от выбранной модели регулирования возобновляемой энергетики.

Список литературы

1. Распоряжение Председателя Правительства РФ от 08.01.2009 г. № 1-р (в ред. от 28.05.2013 г., 28.07.2015 г. и 28.02.2017 г.) «Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146921/ (дата обращения 18.03.2017).

2. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 г. № 1715-р «Об энергетической стратегии России на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94054/ (дата обращения 28.02.2017).

3. Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 г. № 449 (ред. от 17.02.2014 г., 10.11.2015 г. и 28.02.2017 г.) «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146916/ (дата обращения: 18.03.2017).

4. Распоряжение Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 321 (в ред. от 31.01.2017 г.) «Об утверждении государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162194/ (дата обращения 28.02.2017).

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.01.2015 г. № 47 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии на розничных рынках электрической энергии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174584/ (дата обращения: 18.03.2017).

6. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. Институт энергетических исследований РАН, Аналитический центр при Правительстве РФ. - М., 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-2040.pdf> (дата обращения 18.03.2017).

7. Фортов В.Е., Попель В.С. Возобновляемые источники энергии в мире и России. Форум REENFOR-2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/REENFOR_2013.pdf (дата обращения: 19.03.2017)

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Остафий Д.С., Аксенов Г.Н.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Попова О.В.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Современные экономические реалии предполагают совершенствование не только лишь финансовых институтов, но и необходимость совершенствования правового регулирования экономической деятельности Российской Федерации. Среди основных проблем, требующих разрешения, стоит выделить несовершенство межбюджетных отношений в Российской Федерации.

Для изменения действующего правового регулирования в рассматриваемой сфере, а также проведения качественных реформ в сфере межбюджетных отношений необходимым является определение основных векторов будущих изменений. Среди них:

- 1) Необходимость дополнительного регулирования взаимодействия между бюджетами бюджетной системы в рамках межбюджетного сотрудничества
- 2) Необходимость усовершенствования существующего механизма контроля за эффективностью использования различных видов бюджетных трансфертов.

В целом, стоит отметить крайнюю важность и необходимость рассматриваемого института бюджетного права. Единая и всесторонне урегулированная система межбюджетных отношений оказывает бесспорное влияние на экономическую сферу жизни общества. Однако современное правовое регулирование данного института бюджетного права не позволяет сделать вывод об эффективности механизма формирования, распределения и использования межбюджетных трансфертов, что, в свою очередь, находит негативное отражение в развитии Российской Федерации в целом, ее субъектов и муниципальных образований.

На наш взгляд, серьезным пробелом регулирования межбюджетных отношений является отсутствие постоянного и эффективного контроля и надзора за распределением и использованием межбюджетных трансфертов. Несмотря на наличие разветвленной системы органов государственной власти, осуществляющих контроль и надзор за рассматриваемой деятельностью, эффективность использования бюджетных средств не наблюдается. Думается, в качестве основных полномочий органа контроля и надзора следует закрепить:

- 1) Развитие взаимодействия субъектов, муниципальных образований Российской Федерации. Для осуществления данной цели могут проводиться как официальные переговоры, так и научные конференции и иные мероприятия для совершенствования кооперации между субъектами межбюджетных отношений;
- 2) Осуществление максимально полного контроля и надзора за исполнением регионами своих обязательств в рамках межбюджетных отношений;
- 3) Формирование специальных методик и правил исчисления эффективности использования межбюджетных трансфертов, а также некоторые другие.

В качестве одной из основных проблем в рамках формирования межбюджетных трансфертов нами было выявлено несовершенство распределения дотаций. Так, согласно Постановлению Правительства РФ "О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации" (вместе с "Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации"), уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ до непосредственного распределения дотаций, определяется по формуле:

$$BO_i = \frac{ИНП_i}{ИБР_i},$$

где:

БО - уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъекта

i

Российской Федерации до распределения дотаций;

ИНП - индекс налогового потенциала субъекта Российской

i

Федерации;

ИБР - индекс бюджетных расходов субъекта Российской

i

Федерации.

Данный показатель требует особого внимания, поскольку именно он ложится в основу исчисления дотаций, ведь сокращение отставания региона является основной целью существования межбюджетных отношений.

По нашему мнению, при исчислении данного показателя необходимо руководствоваться не только индексом налогового потенциала конкретного субъекта, но и учитывать неналоговые показатели региона России. Так, в 2015 году неналоговые доходы бюджета составили порядка 500 млрд. руб.

Самыми прибыльными можно назвать:

1) средства, получаемые в виде арендной или иной платы за сдачу во временное владение и пользование имущества, находящегося в собственности субъектов Российской Федерации;

2) доходы в виде прибыли, приходящейся на доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям, принадлежащим субъектам Российской Федерации;

3) часть прибыли государственных унитарных предприятий, принадлежащих субъектам Российской Федерации, остающаяся после уплаты налогов и иных обязательных платежей и др.

Таким образом, мы предлагаем пересмотреть действующий порядок определения уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъектов.

Также стоит обратить внимание на базовые принципы межбюджетных отношений. На наш взгляд, стоит согласиться с мнением Широковой В.А., которая определяет цель межбюджетного регулирования как «повышение уровня социально-экономического развития регионов, выравнивание на этой основе их бюджетной обеспеченности, а через это – обеспечение равного качества бюджетных услуг населению независимо от места проживания» [5, с. 118]. Нет сомнений, что регулирования любых правоотношений в государстве должно служить улучшения уровня жизни населения. Ориентация на нужды и проблемы граждан должна являться основой межбюджетных отношений, поскольку главная их цель – обеспечение высокого уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации.

Подводя итоги, можно отметить наличие некоторых пробелов правового регулирования межбюджетных отношений, связанных, в первую очередь, с отсутствием должного уровня контроля за деятельностью органов государственной власти в рассматриваемой сфере. Необходимо более детально урегулировать порядок формирования, распределения и использования межбюджетных трансфертов. Межбюджетные отношения оказывают существенное влияние на экономическую стабильность государства, а также позволяет выполнять государству свои социальные функции, поэтому так важно развитие бюджетного права в данной сфере.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 30.11.2016) //

Собрание законодательства РФ. – 1998. - №31. – ст. 3823

2. Постановление Правительства РФ "О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации" (вместе с "Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации") (ред. от 27.12.2016) // Собрание законодательства РФ. - - N 48. - ст. 4797.

3. Тетерин Ю.А. Пути совершенствования системы межбюджетных отношений в России // Science Time. 2015. №6 (18) С.498-504

4. Кравченко Н.А. Критерии эффективности реализации потенциала туристской отрасли Республики Крым // Псковский регионологический журнал. 2015. №22 С.43-58.

5. Кремповая Н.Л. Межбюджетные трансферты и их роль в формировании бюджетов субъектов Российской Федерации // Символ науки. 2015. №5 С.117-120.

6. Широбокова В.А. Новый подход к совершенствованию системы межбюджетных отношений // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2014. №1 С.116-123.

7. Ключникова М.А. Проблемы организации межбюджетных отношений в Российской Федерации и пути их решения // Научное сообщество студентов XXI столетия. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXI междунар. студ. науч.-практ. конф. №6 (21).

8. Хатмуллина Л.Р. Совершенствование межбюджетных отношений в республике Татарстан // Экономические науки. 2016. № 40-2.

9. Ярошепта А.В. Механизм межбюджетного выравнивания в системе межбюджетных отношений // Интернет-журнал Науковедение. 2014. №1 (20) С.1-8.

К ВОПРОСУ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА-РЕЗИДЕНТА ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ

Шадрин А.Д.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Беседкина Н.И.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Одним из средств достижения стабильности развития национальной экономики, увеличения её инвестиционной привлекательности и создания возможностей для развития национальных производителей стало преобразование ранее существовавших зон свободного предпринимательства, свободных экономических зон в особые экономические зоны (ОЭЗ), которые были чётко ориентированы на экспортное производство и стимулирование внешнеэкономической деятельности.²² Законодатель подразумевает под ОЭЗ часть территории Российской Федерации, определяемую Правительством Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.²³

Деятельности резидентов ОЭЗ, в первую очередь, связана с предоставлением им различных льгот, в первую очередь, касающихся особенностей таможенного режима. Закон «Об особых экономических зонах» не содержит норм прямого действия, регулирующих таможенный режим ОЭЗ, а лишь устанавливает допустимость применения на территории ОЭЗ таможенной процедуры свободной таможенной зоны, отсылая, таким образом, к законодательству Таможенного союза, которая предполагает размещение и использование товаров иностранного происхождения, а также товаров таможенного союза в пределах территории особой экономической зоны без уплаты таможенных пошлин, налогов, а также без применения мер нетарифного регулирования; ввоз оборудования, комплектующих и сырья без уплаты НДС и импортных пошлин; ввоз на территорию Таможенного союза при достижении добавочной стоимости 50 % товара, изготовленного в ОЭЗ с использованием иностранных товаров, без уплаты таможенных пошлин, акцизов, НДС.²⁴

Резидентам особых экономических зон предоставляются также ряд налоговых льгот. На федеральном уровне - установление ставки по налогу на прибыль, подлежащему зачислению в федеральный бюджет в размере нуля процентов (для резидентов туристско-рекреационных и технико-внедренческих зон); установление ставки по налогу на прибыль, подлежащей зачислению в бюджет субъекта, в размере, не превышающем 13,5 процентов; в течение 10 лет с месяца, следующего за месяцем постановки на учёт, освобождаются от налога на имущество созданного или приобретенного в целях ведения деятельности на территории особой экономической зоны, используемого на территории особой экономической зоны в рамках соглашения о создании особой экономической зоны и расположенного на территории данной особой экономической зоны; освобождение от уплаты земельного налога в отношении участков, расположенных на территории ОЭЗ, в течение 5 лет с месяца возникновения права собственности на данный участок, при этом, допускается продление срока действия льготы на усмотрение субъекта.²⁵ Существенные льготы предоставляются резидентами и на уровне субъектов.

²² Колчеданцева Е.А. Понятие особой экономической зоны // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. - № 18 (194). С. 77-79.

²³ Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 N 116-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 25.07.25. N 30 (ч. II). ст. 3127.

²⁴ Фёдорова В.А. Пути повышения эффективности нормативного регулирования особых экономических зон в Российской Федерации. – 2014. - № 4. С. 45-53.

²⁵ «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 5 августа 2000 N 117 – ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 07.08.2000. N 32. ст. 3340 .

Исходя из особого режима функционирования резидентов особых экономических зон, на наш взгляд стоит обратить внимание на ряд особенностей, связанных с их деятельностью и возможностью реорганизации.

В соответствии с Законом об ОЭЗ юридическое лицо, намеревающееся получить статус резидента ОЭЗ, подаёт в Минэкономразвития (соответствующий орган исполнительной власти субъекта) заявку на заключение соглашения о деятельности, которая должна содержать сведения о предполагаемой деятельности заявителя, информацию о предполагаемом объеме инвестиций и капитальных вложений в период деятельности в ОЭЗ, информацию о необходимой для осуществления деятельности инфраструктуре и предполагаемой нагрузке на электрические сети, теплосети, иные инфраструктурные сети; к заявке прилагаются копии учредительных документов, бизнес-план (в установленной форме); для рассмотрения заявки также необходимо предоставить копию свидетельства о государственной регистрации юридического лица, копию свидетельства о постановке на учет в налоговом органе.²⁶

В случае одобрения заявки экспертным советом соглашение об осуществлении деятельности может быть заключено. После его подписания Минэкономразвития либо уполномоченный им орган вносит в реестр резидентов ОЭЗ запись о регистрации соответствующего юридического лица. Таким образом, конкретное юридическое лицо, получившее статус резидента получает определённые налоговые и иные преференции, которые были описаны выше, что ставит его в более выгодное положение относительно иных юридических лиц, осуществляющих свою деятельность в регионе, в котором расположена ОЭЗ, а также иных юридических лиц, осуществляющих свою деятельность в данной ОЭЗ, но не имеющих статус резидента.²⁷

Особый интерес в контексте рассмотрения деятельности организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность, представляет вопрос о возможности проведения процедуры реорганизации юридического лица-резидента ОЭЗ.

Исходя из смысла ст.57 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющей 5 форм преобразования юридического лица: слияние, разделение, преобразование, присоединение и выделение, лишь последняя не влечёт прекращения деятельности юридического лица.²⁸ Учитывая содержание ст. 12 Закона об ОЭЗ, запрещающую резиденту передавать свои права и обязанности, возникшие из соглашения о деятельности в ОЭЗ, другому лицу, такие формы реорганизации как слияние и разделение нас не будут интересовать, поскольку в этих случаях неизбежен переход прав к иному лицу и вновь образованное юридическое лицо или лицо, к которому присоединяется резидент не получит такого статуса, поскольку соглашение в данном случае вполне логично прекратит действовать на основании ст.19 Закона об ОЭЗ. Однако особый интерес представляют такие формы как преобразование и присоединение.

В рамках последней формы реорганизации возможна ситуация, при которой к резиденту присоединится нерезидент ОЭЗ, что приведёт к переходу прав и обязанностей присоединившегося юридического лица к резиденту ОЭЗ и скажется на объёме инвестиций, которые могут быть вложены в развитие ОЭЗ и, как следствие, к снижению эффективности работы ОЭЗ. На наш взгляд, подобного рода присоединение вполне уместно рассматривать как злоупотребление правом в случае регистрации на территории ОЭЗ нескольких юридических лиц, не получивших статус резидента, и последующее их присоединение к

²⁶ Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 N 116-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, N 30 (ч. II), ст. 3127

²⁷ Там же.

²⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301

резиденту в том случае, если первые были изначально созданы с целью присоединения к резиденту с целью не осуществлять инвестиции в ОЭЗ.

Относительно преобразования как формы реорганизации юридического лица могут возникнуть определённые сложности при увеличении количества участников общества с ограниченной ответственностью (ООО) до 51 и более и принудительном преобразовании в соответствии со ст. 88 Гражданского кодекса Российской Федерации в акционерное хозяйственное общество, а также переход к организационной форме акционерного общества в связи с увеличением оборотов и необходимостью привлечения дополнительных инвестиций посредством выпуска акций. В данном случае у участников общества будет отсутствовать намерение злоупотребить своим правом, а будут интересы, направленные, на наш взгляд, исключительно на повышение эффективности деятельности общества и, как следствие, ОЭЗ. Закономерно возникает вопрос: будет ли в данной ситуации стоять вопрос о прекращении соглашения о деятельности в ОЭЗ, ведь фактически лицо остаётся тем же самым, но непосредственно внесённое в реестр резидентов лицо прекращает свою деятельность и, исходя из содержания ст. 19 Закона об ОЭЗ, соглашение должно быть прекращено, что вынудит преобразованное общество вновь проходить процедуру регистрации в качестве резидента, описанную выше.

Такой пробел может быть ликвидирован в рамках нормативного акта, на основании которого создаётся и функционирует ОЭЗ (Постановления Правительства или Федерального закона): Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в ст. 5 устанавливает, что любая реорганизация юридического лица является основанием для исключения данного лица из реестра резидентов.²⁹

Однако данный пробел, на наш взгляд, создающий серьезные препятствия как для развития особых экономических зон, так и для деятельности резидентов должен быть ликвидирован на уровне Закона об ОЭЗ, при этом, особое внимание при внесении изменений в него стоит уделить преобразованию, поскольку запрет любой реорганизации юридического лица, на наш взгляд, может негативно сказаться на развитии ОЭЗ, а также нарушит принцип равенства перед законом. При этом, особое внимание стоит уделить также процедуре присоединения по описанным выше причинам.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации» (часть вторая) от 5 августа 2000 N 117 –ФЗ// «Собрание законодательства РФ». 07.08.2000. N 32. ст. 3340.
3. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22 июля 2005 N 116-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 25.07.25. N 30 (ч. II). ст. 3127.
4. Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 10 января 2006 N 16-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 16.01.2006, N 3, ст. 280.
5. Колчеданцева Е.А. Понятие особой экономической зоны // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. - № 18 (194). С. 77-79.
6. Фёдорова В.А. Пути повышения эффективности нормативного регулирования особых экономических зон в Российской Федерации. – 2014. - № 4. С. 45-53.

²⁹ Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 10 января 2006 N 16-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 16.01.2006, N 3, ст. 280.

CASE LAW AS A NEW PHENOMENON IN TAX LAW OF RUSSIA

Antonova A.V.

Scientific adviser: Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Legal Regulation of Economic Activity Shiryova I.V. Financial University under the Government of the Russian Federation

The science of Legal Theory and Finance Law constantly pays attention to the problem of legal sources. In this report we use the term “formal sources” in the meaning of “legal sources”, that is exterior form for legal norms, namely, legislation, by-laws, etc. The scientists of Law say, that legal forms are not absolutely constant. “There is a moment in the process of law effect development, when its new qualities cannot be put into the frames of the old form. Then, the new legal effect changes the old form; the new form which is adequate to its meaning appears”³⁰. It is necessary to notice, that such form change takes place during the serious political, economical and social reforms. Serious reforms are taking place in Russia during the last 16 years in all spheres of social life. The most important element of reform in financial field is modernization of the taxation which is connected with codification of Tax Law. The meaning of legal sources in Taxation should be reviewed. Russian scientists and practical lawyers who work in Taxation field try to answer the following principle questions:

1. Should judicial and administrative precedents (Cases) be seen as admissible source for Tax Law?

2. If the precedent (Case) is the Tax Law source, then in which way the norms-precedents can correspond with the norms, in laws, by-laws and international treaties?

There are no clear answers in Russian Tax Law as well as in Tax Law Theory on these questions. Let us see the place of judicial precedents, judicial and administrative practice and doctrine, that is “non-traditional Tax Law sources, norms on the basis of legal texts made by taxpayer in the system of Tax Law sources. Legal Theory determines the following legal sources: standard legal acts, judicial precedents, legal customs, agreements, judicial and administrative practice and legal doctrines.

The division of the states for Romanic Germanic and Anglo-Saxon legal families is the classical in the Legal Theory. Earlier some authors marked out “socialistic-law” states. They pointed out that the legal system in a “socialistic” state based on Romanic Germanic model. From this point of view, the modern Russian law, including Tax Law must be based on “Romanic - Germanic” model.

This point of view is rather clear shown in the structure and text of Tax Code of Russian Federation. In the Tax Code of Russia which is currently in force there is not Tax Law sources structure. But Chapter 1 of Tax Code is called “Legislation for taxes and duties and other standard legal acts on taxes and duties”. Chapter 1 of Tax Code shows clearly that the Tax Law source of norms is law, not any, but the law which is the part of the “Taxes and Duties Legislation”. Chapter 4 of Tax Code of RF lets regulate the tax relations with by-laws acts of the Russian Federation Government and executive bodies under the condition the law priority over any by-laws. In the end, Chapter 7 of Tax Code includes International Treaties in Tax Law sources.

According only to Tax Code of RF, the tax relations cannot be regulated by doctrine, judicial or administrative practice or precedent. Tax Law sources structure which in Tax Code of RF is completely adequate to “Romanic Germanic” model of legal regulation.

The priority of some kinds of law formal sources can be changed in accordance with time, social situation in the state. The stability in social life makes possible the stability of law sources. Social reforms are followed by the law reforms and different changes in the system of sources.³¹

³⁰Kerimov D.A. Methodology of law. Moscow, Avanta+, 2001, p. 183.

³¹Bregel J.L. Theory of law. Moscow, Nota Bene, p. 97-157.

Even Soviet scientists said that there are neither Romanic - Germanic nor Anglo-Saxon legal systems as they were before. There was noticed “the weakening the formal clearness of the legal regulation, the growth of significance in casuistic norms”. So, there is convergence, interpenetration and influence of different legal systems, connected with the growth of judicial activity and precedent practice in the countries of Romanic-Germanic legal system.

European researches of this problem also recognize the fact of convergence, pointing out that the rule of absolute law sovereignty subjecting to judicial practice was not peculiar to Romanic-Germanic, but socialistic legal system. In continental system European countries the judge himself could create norms-precedents (cases) if there was no ready norm. Social and legal evolution in Romanic-Germanic legal systems leads to the standard legal act texts “dispersion” into small parts by publishing by-laws. As a result, “dictatorship legal system” is formed. To overcome this phenomenon the precedent mechanism should be used. It can be seen on the example of European Community Law.

There is also a point of view that the decisions of the judicial Supreme bodies cannot be Tax Law sources, because they cannot be controlled in any way “from above” and can only “expose law meaning without passing any standard legal regulations”.³² This argument is very important, but the problem can be solved if in Russian Tax Law Theory the Theory of application precedent and doctrine as the law source will be worked out and then legally consolidated. That is the precedent mechanisms can be applied only if it is clearly determined when it is admissible to use precedent, which government body decision is precedent, the hierarchy of precedents and their correspondence with the doctrine; if lawyers could and in which case digress from precedents and some other questions of Precedent Law.

In conclusion it should be said:

1. Tax Law in Russia is being developed after a model of modern “Romanic-Germanic” system. The major source of Tax Law in Russia is Tax Code. The additional sources are Ministry of Finance Acts. If there are any gaps in legislation, then courts can liquidate them by passing the norms-precedents (cases).

2. Precedents (cases) application for tax relations regulations is possible even if there is the hierarchy of precedents, correlation of precedents with other legal sources. Otherwise the position of participants in tax relations becomes indefinite and the tax regulation is difficult.

Resources:

1. The tax code of Russia 1998.
2. Kerimov D.A. Methodology of law. Moscow, Avanta+, 2001, p. 183.
3. Bregel J.L. Theory of law. Moscow, Nota Bene, p. 97-157.
4. David R. Modern Legal Systems. Moscow, 1967, p.59-65.
5. Alexeev S.S. Theory of law. Moscow. 2008, Prospect, p.95.
6. Sasov K.A. Decisions of CC RF in taxation. Moscow, 2008, p.17.
7. Morshakova T.A. In the Tax club. // www.fbk.ru
8. Boshno S.V. In the Tax club // www.fbk.ru

³²Morshakova T.A. In the Tax club. www.fbk.ru

THE ROLE OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION (WTO) IN THE LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Pozdnyakova G.G.

Scientific adviser: Senior Lecturer, Tantsura T.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

It's obvious that the world has changed in comparison with the previous century. Different economic, political and social processes influence on development of relations between and among countries. The international cooperation is possible only when countries, their governments and heads, respect other nations, take into account their status in the world. But any cooperation between/among states should be regulated on the legal basis. The most important role regarding this matter plays the World Trade Organization.

I'd like to deal with the place and role of the World Trade Organization (WTO) in the legal regulation of intellectual property rights.

With globalization, an increased number of transnational corporations and the development of international trade, international legal regulation of competition has become an important aspect in the development of the global economy. Ideas and knowledge are the increasingly important part of trade. Creators can be given the right to prevent others from using ideas of their inventions, designs or other creations — and to use that right to negotiate payment in return for people can use them. But anticompetitive business practices within one state and policy as regards to such practices might affect the global economy. That's why the World Trade Organization influence greatly on legal regulation of such kind of international transactions.

Also, there're 3 main points I'd like to cover. Firstly it's very useful to know some information about World Trade Organization itself. Then it's necessary to clarify the role of WTO in the above mentioned area. Thirdly it's essential to discover some basic principles of the intellectual property legal regulation. Finally, the WTO's Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (or TRIPS) will be considered.

So, to start with: what does WTO mean? *The World Trade Organization in brief is the only international organization dealing with the global rules of trade between nations.* According the WTO web-site -“its main function is to ensure that trade flows as smoothly, predictably and freely as possible”[5]. The WTO officially commenced its activity on 1 January 1995 under the [Marrakesh Agreement](#), signed by 123 nations on 15 April 1994, replacing the [General Agreement on Tariffs and Trade](#) (GATT) [1], which was introduced in 1948. The law of the WTO regulates a lot of different transactions [3]. The rules of the World Trade Organization (WTO) constitute a significant body of international trade law [6].

Let's consider the next point: the role of WTO in the legal regulation of intellectual property. Intellectual property rights are ones given to persons concerning with the creations of their minds. They usually give the creator an exclusive right regarding the use of his creation for a certain period of time. New internationally-agreed trade rules for intellectual property rights were seen as a way to introduce more order and predictability, and for disputes to be more systematically settled. The WTO's Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), negotiated in the 1986-94 Uruguay Round, introduced intellectual property rules into the multilateral trading system for the first time. The WTO's TRIPS Agreement is an attempt to narrow the gaps such a way as these rights are protected around the world, and to make them as a part of common international rules. It establishes minimum levels of protection that each government has to give to the intellectual property of WTO members.

The starting point of the intellectual property agreement concerns basic principles. And as in the two other agreements, non-discrimination features are important: national treatment (treating one's own nationals and foreigners equally), and most-favoured-nation treatment (equal treatment for nationals of all trading partners in the WTO). The TRIPS Agreement has an additional

important principle: intellectual property protection should concern technical innovation and the transfer of technology. Both producers and users should benefit, and economic and social welfare should be enhanced, the agreement says.

This leads directly to what the TRIPS Agreement regulate. TRIPS requires member states to provide strong protection for intellectual property rights. First of all, under TRIPS copyright terms must extend at least 50 years, unless based on the life of the author (Art. 12 and 14) [2]. For example, there is the famous poster 'Keep Calm and Carry On' [4]. Actually it was a motivational poster produced by the British government in 1939 in preparation for the Second World War. In 2000, a copy of the poster was found in a second-hand bookshop "Barter Books". Because the rights expire within 50 years, the image is in the public domain. This fact allowed to print unlimited copies of the poster, and made other related Souvenirs.

According TRIPS computer programs must be regarded as "literary works" under copyright law and they must be protected the same way. Patents must be granted for "inventions" in all "fields of technology" provided they meet all other patentability requirements (although exceptions for certain public interests are allowed (Art. 27.2 and 27.3) and must be enforceable for at least 20 years (Art 33). Exceptions to exclusive rights must be limited, provided that a normal exploitation of the work (Art. 13) and normal exploitation of the patent (Art 30) is not in conflict. Furthermore, it should be necessary to underline that unlike other agreements on intellectual property, TRIPS has a powerful enforcement mechanism. States can be prescribed to follow the WTO's dispute settlement mechanism.

To summarize, the WTO creates basic rules which all countries have to follow. The TRIPS affirmed the main ideas regarding intellectual property and they have become the base for national law in this area. There're a lot of common provisions with the 4th part of Civil Code of Russian Federation. So, thank to WTO there is some integration between different countries which helps to unify the application of legislation in world economic.

Resources:

1. General Agreement on Tariffs and Trade, Oct. 30, 1947, 61 Stat. A-11, 55 U.N.T.S. 194, at https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.pdf.
2. The WTO's Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips.pdf.
3. Gulnara Ruchkina&EvgenyVengerovsky, Investment Activities within the Legal Framework of the World Trade Organization, 3(4) RLJ (2015).
4. History // Keep calm and carry on. The only pfficial and lesences store. URL: <http://www.keepcalmandcarryon.com/history/>
5. The WTO in brief // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/inbrief_e/inbr00_e.htm
6. World Trade Organization and Regional Economic Integration // University of Southampton. URL:<http://www.southampton.ac.uk/>

EUROPEAN UNION FOREIGN INVESTMENT LAW: WHERE IT IS HEADING?

Ganjuur B.

Scientific adviser: Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at
the Department of Legal Regulation of Economic Activities Merkusheva O.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The process of establishing a highly developed economic system in every country or in a specific region is based on direct international investments. Why it's so necessary to make a strategy to attract foreign investors? The answer is simple: the access to innovative technology, to additional financial resources and access to highly qualified experts. As a matter of fact, the investment process is truly complicated. Therefore a certain framework for the practice of stable and organized international investment relations is needed.

Nowadays one of the most topical and contentious subjects in European Union is the regulation of foreign investment. The Treaty of Lisbon inserted Foreign Direct Investment (FDI) into the Common Commercial Policy (CCP). According to the article 206 of the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) the Union should be developing the world trade by removing barriers and customs or lowering them for international trade and foreign direct investment.

Article 207 TFEU lists various aspects of the CCP, adding FDI matters to the treaty making power: the tariff rates and trade agreements relating to foreign direct investments should also be based on uniform principles.

Thus the introduction of EU competence over FDI in Article 207 TFEU as well as the recent successful challenge of Member States Bilateral Investment Treaties (BITs) regarding their compatibility with EU law, stresses out the importance of EU foreign investment law.

Member state BITs are instruments that strongly protect investor interests. They have not changed for the last years. Today EU wants to leave the old approach of covering foreign investment and desperately wishes to set its own 'model'. The goal that EU policy is setting is to improve international investment law in innovative ways, targeting both substantive and procedural protections, and leading to a newer generation of international investment treaties.

In this paper a new standard that will change the face of international investment law and the reasons behind these changes will be studied.

As mentioned before, EU's policies included all the "best practices" of its member states regarding the investment regulation. But now European Commission is shifting its policy to a newer level.

The additional three words 'foreign direct investment' in Article 207 of the TFEU was the trigger for a strong debate regarding the scope of the new competence. It raised, in particular questions regarding portfolio investments.

This 'liberalization agenda' expressed in the Union's FTAs has been based on the EU Minimum Platform on Investment. It means that less was specified regarding investment regulations in FTAs only developing on issues such as trade and service. The EU-Canada trade and investment agreement is the first time when wide rules on investment was included as part of a broad trade agreement.

Further reasons militate in favor of a policy that takes into account the host economy's right to regulate. Pursuant to Article 21 of the Treaty on European Union (TEU) and Article 205 of the TFEU, in the field of the common commercial policy, the EU is obliged to comply with the principles that guide its external action. That's why the Council stressed that the new European international investment policy should be guided by the principles and objectives of the Union's external action. It must continue to allow the EU and the member states to adopt and enforce measures necessary to pursue public policy objectives.

Envisioning the future EU investment policy investor protection must be the proprietary in future EU investment agreements. Yet it levelled indirect criticism at the European Commission for

focusing too strongly on investment protection when it should better address the right to protect the public capacity to regulate.

Despite the uncertainty surrounding the exercise of the new competence and the final shape of EU investment agreements, the EU is formulating an investment policy that goes beyond the new generation of investment agreements, and it is the novelty of this approach that underlines the emergence of a new standard. Given the EU's weight in investment negotiations, there is a real opportunity for it to set a new agenda for investment protection and investor state dispute settlement provisions. The Union wishes to improve its investment agreements in a new approach that targets substantive and procedural standards.

In my point, EU's decision to establish a new foreign direct investment policy is the right move to make. In order to support job creation, to improve business competitiveness, standard of living and to reach a rapid economic growth the Union should not turn blind eye on foreign direct investment policy. There should be a balance between favorable regulation conditions for both investing and receiving parties and the Union's investment protection. The 'Brexit' situation, the leave of the strongest member of Union, won't put a crimp into improving the foreign direct investment policies. For many decades the Union has been successfully regulating the foreign direct investment relations, in the future it will still continue improving them.

Resources:

1. European Parliament Resolution 2010/2203 of 6 April 2011, OJ 2012 C296 E, paras 9, 18, 19; European Commission, Towards a Comprehensive European International Investment Policy, Communication, COM(2010)343 final, 7 July 2010
2. Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU), articles 206, 207
3. Wenhua Shan, Sheng Zhang. The Treaty of Lisbon: Half Way toward a Common Investment Policy. European journal of international law, 2010, vol. 21, issue 4
4. Catharine Titi. International Investment Law and the European Union: Towards a New Generation of International Investment Agreements. European journal of international law, 2015, vol 26, issue 3.
5. European Commission. The EU's main investment policy. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/what/investment-policy/ (accessed: 18.03.2017)
6. European Commission. Trade Policy. Canada. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/canada/> (accessed: 18.03.2017)
7. Official site of EUR-Lex. Access to European law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/homepage.html> (accessed : 17.03.2017)
8. Angelos Dimopoulos. EU Foreign Investment Law. Oxford University Press Scholarship online.
URL:<http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199698608.001.0001/acprof-9780199698608> (accessed: 18.03.2017)